

М. Н. Овчинникова

Верхняя Пышма, Россия

M. N. Ovchinnikova

Verhnyaa Pyshma, Russia

СЛОВО БОЖИЕ

ПРОТИВ ДИСКУРСА НЕНАВИСТИ:
ПСАЛМЫ Е. Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ
(МАТЕРИ МАРИИ)

Аннотация. *Говорится о своеобразии творческого пути и характере лирической героини Е. Ю. Кузьминой-Караваевой на материале стихотворений 30-40-х гг. Анализируются традиции канонического жанра псалма, сохраненные автором, а также их трансформация в контексте избранного исторического периода.*

Ключевые слова: *эмиграция; деятельное монашество; духовное пространство; богопознание; псалмы; канон; актуализация жанра; характер лирической героини.*

Сведения об авторе: *Овчинникова Марина Николаевна, учитель русского языка и литературы МОУ «СОШ № 22» г. Верхняя Пышма, соискатель кафедры современной русской литературы.*

Место работы: *Уральский государственный педагогический университет.*

Контактная информация: *620017, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51.
e-mail: ovmn@list.ru.*

WORD OF GOD

AGAINST THE DISCOURSE OF HATRED:
PSALMS BY E. Y. KUZMINA-KARAVAEVA
(MOTHER MARIYA)

Abstract. *This article tells about peculiarities of E. Y. Kuzmina-Karavaeva's career of a writer and character of her hero on the basis of the lyrics dated 1930-1940. Canonic traditions of the genre of psalm, preserved by the author are described, as well as their transformation in the context of the chosen historical period.*

Key words: *emigration; active monkhood; Spiritual life; Cognition of God; psalms; canon; actualization of genre; lyric character.*

About the author: *Ovchinnikova Marina Nikolaevna, Teacher of the Russian Language and Literature at School № 22, Verhnyaa Pyshma, Competitor for a Degree of the Chair of Modern Russian Literature.*

Place of employment: *Ural State Pedagogical University.*

«Начало XX века... подарило русской литературе три поэтических женских имени — Анна Ахматова, Марина Цветаева и Елизавета Кузьмина-Караваева. ... Ахматова и Цветаева заняли в современной культуре достойное место. Узнать и признать поэзию Кузьминой-Караваевой, матери Марии, нам еще только предстоит, она остается пока „белым пятном“ в серебряном веке и в наши дни», — справедливо отмечает С. Кайдаш, исследовательница поэтического творчества Кузьминой-Караваевой [Кузьмина-Караваева 2004: 5].

Многое из наследия матери Марии не опубликовано в России, не переведено на русский язык. До последнего времени ученые обращались к разбросанным по разным источникам произведениям Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, и лишь в 2001 г. благодаря федеральной целевой программе «Культура России» вышли сборники «Равнина русская» и «Жатва духа», в которых собраны воедино поэтические и религиозно-философские сочинения нашей выдающейся соотечественницы. Таким образом, стало возможным получить полное представление о подлинном духовном масштабе и уникальности таланта Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. В школьной практике данный материал можно использовать при изучении темы «Поэзия Серебряного века» и в контексте разговора о творчестве А. Блока, что позволит расширить культурологическую компетентность обучающихся.

Исследованию особенностей поэтического творчества матери Марии посвящены работы

Г. И. Беневица, А. Н. Шустова. Большинство работ обращено к дооктябрьскому творчеству Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. Предметом нашего рассмотрения станет образ лирической героини в ее стихотворениях 30—40-х гг.

Становление личности будущего поэта пришлось на эпоху разлома, в которой она не все понимала и принимала. Размышления о вечном: о зле и несправедливости, о вере и безверии, о Боге — приводят Лизу Пиленко к Блоку, который, как ей кажется, может ответить на многие вопросы и посоветовать, как жить дальше, ведь «умирать... не хочется. Не хочется безропотно отдавать себя гибели, исчезать с исчезающей эрой» [Кузьмина-Караваева 2001: 561]. «Он говорил о том, что принадлежит к умирающему, он советовал всем, кто еще кровно не связан с этим умирающим, бежать от них, искать новых путей» [2. С. 561]. Позднее между ними завяжется переписка: «Все — ничто. И жизнь впустую идет; и эти жизненные ценности — побрякушки какие-то ... они только прикрывают настоящее ... хочу его знаки здесь на всем видеть» [Кузьмина-Караваева 2001: 648]. В том же году из Анапы Лиза Пиленко напишет: «Всего нелепее, что вся эта чепуха называется словом „жить“. А на самом деле жизнь идет в ... другой плоскости, и не знает, и не нуждается во всей суете. В ней все тихо и торжественно» [Кузьмина-Караваева 2001: 649].

Большое влияние на формирование мировоззрения Лизы Пиленко окажет философия Владимира Соловьева, позволяющая найти

выход из кризиса. В его философии нет «места для зла, лжи и уродства», она «ставит перед собой трудную задачу найти в расщепленном миропонимании элемент цельной истины» [Кузьмина-Караваева 2004: 327]. Эту истину В. Соловьев советует искать «в вечных истинах религии» [Русская идея: 228], согласно которой «божественное слово борется с космическим адским хаосом; конечная цель этой борьбы — ... в победе единства и любви над распадом и враждою» [Русская идея: 477].

В 1911 г. Е. Ю. Кузьмина-Караваева становится членом акмеистического объединения «Цех поэтов». Уже на раннем этапе творческой деятельности она пытается найти свой собственный путь в поэзии. В 1912 г. выходит ее первый сборник, «Скифские черепки», в 1914 г. — «Дорога», в 1916 г. — «Руфь». Следующий сборник Е. Ю. Кузьминой-Караваевой выйдет лишь в 1937 г. в Берлине. К этому времени она с волной беженцев окажется в Париже. Пройдя, как и все эмигранты, через унижения, нищету, неустроенность быта, пережив смерть младшей дочери Анастасии, Е. Ю. Кузьмина-Караваева решит посвятить себя Богу, начнет готовиться к постригу.

В 30-е гг. мотив богоискания становится основным в творчестве Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. Стремясь к новому типу монашества, и созерцательному, и активному, она «отвечала на мучительные запросы мира, на муку мира». Активность «во внешнем мире» [Кузьмина-Караваева 2004: 129], «социальная работа, благотворительность, духовная помощь — все это вытекает из напряженного желания отдать свои силы делу Христову... — не стяжать, а расточать их во славу Божию» [Кузьмина-Караваева 2004: 129].

Мотивы странничества, изгнания, потерянной Родины являются основными на этом этапе в динамике чувств лирической героини. Указание на портретные детали усиливает ощущение трудности преодоления, тоски, на которую подвизалась Е. Ю. Кузьмина-Караваева: *Смотри, — измозолены пальцы, / Навьючен уродливо горб, — / Калеки мы все и скитальцы, / И шаг наш порывист и скор* [Кузьмина-Караваева 2001: 205]; *Взглядишь в мою ладонь, / В корявые мои мозоли... / И в этот храм одни ключи — / Изнеможенье трудовое* [Кузьмина-Караваева 2001: 139].

Несмотря на тяжесть испытаний, состояние лирического субъекта нельзя охарактеризовать как опустошенное и катастрофичное. Лирической героине открывается особая, редкая радость духовного преображения, крылатость, поднимающая над бытом и открывающая просторы в бытие: *Складки на лбу иль морщинки у рта, / Иль худоба, иль сутуловатость, — / В них, не за ними проходит черта, / А за чертой огневая крылатость* [Кузьмина-Караваева 2001: 209]; *Смотрю, смотрю, — и нету дна. / Что, — заглянула в преисподню? / Иль в*

высь бездонную Господню / Дорога стала мне видна [Кузьмина-Караваева 2001: 202].

Спустя пять лет после принятия решения о монашеском служении Е. Ю. Кузьмина-Караваева еще больше укрепляется в правильности избранного пути и в 1932 г. принимает постриг. В стихотворениях данного периода много указаний на совершенный над нею обряд. Мы видим, какое внутреннее смятение порождает это таинство в душе лирической героини: *Я стою перед иконой / И знаю, — скоро буду там / Босой идти, с свечей зажженной — / Пересекать затихший храм. / В рубаху белую одета... / О, внутренний мой человек. / Сейчас еще Елизавета, / А завтра буду — имярек* [Кузьмина-Караваева 2001: 171].

Перед нами предстают точные детали принятия таинства: белая рубаха, зажженная свеча, «затихший храм», босоногая послушница. Лирическая героиня на пороге новой жизни томится в ожидании — неизвестно, что ждет ее на пути, противоположном мирскому: *Отменили мое отчество / И другое имя дали. / Так я стала Божьей дочерью. / И в спокойном одиночестве / Тихо слушаю пророчества, — / Близки, близки дни печали* [Кузьмина-Караваева 2001: 171].

Монашеское служение до пострига представлялось Е. Ю. Кузьминой-Караваевой традиционно — созерцательным: *А в келье будет жарко у печи, / А в окнах будет тихий снег кружиться. / И тающий огонь свечи / Чуть озарит святые лица. < ... > Пусть будет дух тоской убит и смят, — / Не кончит он с змеиным жалом битву, — / Сто и еще сто раз подряд / Прочту Иисусову молитву* [Кузьмина-Караваева 2001: 171].

Последние два стиха ведут нас к пониманию цельности лирической героини, сознающей, что главное в монашеском деле — монашеская молитва, полное духовное движение к Богу от созерцательности к практическому деланию Иисусовой молитвы.

Мать Мария (такое имя она получила в честь святой Марии Египетской), осознанно принимая монашеский путь, особым образом понимала монашеское служение: не как аскезу, стяжание плоти и духовное самосовершенствование, а как монашество в миру. Деятельная любовь — вот что продолжает оставаться главным делом ее жизни после пострига: «...отдача души не для того, чтобы этим приобрести ее как бы с процентами ... не акт во имя свое, а акт во имя ближнего, и только во имя его...» [Кузьмина-Караваева 2004: 127]; в стихах об этом сказано так: *Да, не беречь себя. Хожу на всех базарах / Товаром будничным, голодным на потребу, / За грош и каждому. В каких еще пожарах, / Душа моя, ты подыматься будешь к небу?* [Кузьмина-Караваева 2001: 217].

И снова труд: «...иду. Согнуло время плечи» [Кузьмина-Караваева 2001: 134]. «Нищенство и пыль, и мелочь, мелочь, / И забота, так, что не-

ту сил... / Но не Ты ль мне руку укрепил? / Отвратил губительные стрелы?» [Кузьмина-Караваева 2001: 137]. По-другому мать Мария и в монашестве жить не могла: *Жить в клопиной, нищенской каморке, / Что-то день грядущий принесет? / Нет, люблю я этот тихий гнет, / О, Христос, Твой грустный мир прогорклый* [Кузьмина-Караваева 2001: 137].

В стихотворениях этого периода лирическая героиня предстает перед нами настоящей матерью, способной помочь всем живущим на этой земле детям: *Подвел ко мне, сказал: усынови / Вот этих, — каждого в его заботе. / Пусть будут жить они в твоей крови, — / Кость от костей твоих и плоть от плоти. <...> О, Господи, не дай еще блуждать / Им по путям, где смерть многообразна. / Ты дал мне право, — говорю, как мать, / И на себя приемлю их соблазны* [Кузьмина-Караваева 2001: 125].

Такой тип монашества не всеми был принят. Но, благословленная на деятельное служение Богу о. Сергием Булгаковым, мать Мария продолжила идти по избранному пути.

Отношение к поэтическому творчеству с принятием монашества тоже изменилось: *Все забытые мои тетради, / Все стихи, статьи бросайте в печь. / Не затейте только, Бога ради, / Старый облик мой в стихах беречь. / Не хочу я быть воспоминаньем, — / Буду вам в грядущее призыв. / Этим вот спокойным завещаньем / Совершу с прошедшим мой разрыв* [Кузьмина-Караваева 2001: 219]; *О как пронзительно терзает память, / Как въедливы свершенные грехи. / Зачем рифмую строки? Между нами / Жить не должны ни рифмы, ни стихи* [Кузьмина-Караваева 2001: 143].

Мучителен разрыв с прошлым, с Блоком. И все же творческие скрепы тянут к перу. Мать Мария продолжит писать стихи, только в центре их теперь духовное пространство: *Вдруг свет упал, и видны все ступени / От комнаты, где стол, плита, кровать, / Где только что развернута тетрадь, — / Куда-то вдаль, где облачные тени, / И вдаль еще, где блещет благодать* [Кузьмина-Караваева 2001: 137].

Совершенно естественно обращение матери Марии к Псалтыри, ставшей для монахини источником вдохновенного разговора с Богом. Торжество и радость от скорой встречи с Ним наполняют теперь лирическую героиню: *Как радостно кончаем счет годам. / Прими нас, вечность, пой нам, тишина...* [Кузьмина-Караваева 2001: 146]; *И молю: руками душу тронь... / Трещицу: Ты приближаешь руки* [Кузьмина-Караваева 2001: 158].

Приобщение к божественной жизни через молитвенную практику, что соответствует древней монашеской традиции, установка на богобщение наряду с трудничеством находит подтверждение в стихотворениях, написанных после принятия пострига: *Я вместе с ангелами песнопенья / Пред ликом пламенеющим пою*

[Кузьмина-Караваева 2001: 119]; *Помнить о любви Господней и молиться надо* [Кузьмина-Караваева 2001: 124]; *Я предвечной мудрости Господней / Возношу мою хвалу* [Кузьмина-Караваева 2001: 128].

В книге Е. Ю. Кузьминой-Караваевой «Стихи» (1937 г.) мы не найдем непосредственных переложений псалмов, хотя лирические стихотворения напрямую соотносятся с тематикой сакральных текстов и их композицией. Большинство стихотворений 30-х гг. сохраняет композиционные особенности канонического текста, начало которого есть обращение к Богу: «Бывший в начале, приемли хвалу...» [Кузьмина-Караваева 2001: 118], «Господь всех воинств, Элогим...» [Кузьмина-Караваева 2001: 118], «О, Боже...» [Кузьмина-Караваева 2001: 126], «Ты, Господи Иисусе...» [Кузьмина-Караваева 2001: 136].

Псалмы, по мнению Т. А. Ложковой, закрепляют «типичные эмоциональные реакции на типичные бытийные ситуации» [Ложкова 2004: 342]. И хотя во многих своих стихотворениях лирическая героиня Е. Ю. Кузьминой-Караваевой также не отделяет себя от мира людей, соотечественников — «...И мы за гранью вещества...» [Кузьмина-Караваева 2001: 119], «...Все мы — ничтожность и малость...», «...Братья, братья мои, человеки...» [Кузьмина-Караваева 2001: 140], — читатель чувствует предельную открытость, лирическая интимность доведена до предела.

Проанализируем стихотворение «Каждая мышца свинцом налита...».

Каждая мышца свинцом налита.
Крылья... Но крыльев давно уже нету.
Пасет мою душу бичом суета,
Неистово гонит кругами по свету.
Ничтожная, нищая, ну-ка, пляши,
Оденься в восторги и лги о заветах,
Сегодня покайся, а завтра грехи
И повторяй себя в песнях пропетых.
Каким бы тебя раскаленным клеймом
Достоинно, позорно навеки отметить,
Каким бы сковать твою шею ярмом
И истрепать на спине твоей плети.
Пригнись. Иль не слышишь, — вон Некто идет,
Который не числит даров и не мерит,
Он грех умерщвляет и горе берет,
Бескрылых кидает в надзвездный полет,
Рождается снова в пастушьей пещере.
Не надо усилий. Сама Благодать
Окамененное сердце растопит.
Я даже не смею его призывать,
Но сам Он призывами душу торопит.

[Кузьмина-Караваева 2001: 118]

Лирическая героиня стихотворения Е. Ю. Кузьминой-Караваевой внутренне расщеплена — ее душа стала пленницей плоти: «Каждая мышца свинцом налита...». «Утяжеляет» шаг героини трехсложный размер — дактиль, используемый в первых двух строках, придающий фразе монотонность, плавное, молитвенное звучание. Гра-

дация усиливает смысловое и эмоциональное значение определений «ничтожная, нищая». Аллюзии на евангельские сюжеты о бичевании Христа, об истрепанной на его спине плети, о воскресении Иисуса Христа придают страданиям героини высокий, библейский характер.

Вторая строфа содержит презрительное обращение лирического субъекта к собственной душе — «ничтожной, нищей»; третья строфа исполнена проклятий и гнева в адрес души. Таким образом, первая половина стихотворения звучит как покаяние, самобичевание. Финал же выражает веру в благой суд Духа над душой: несмотря ни на что, ей будут дарованы крылья для надзвездной выси. Чудо здесь не милостивый ответ на просьбу об исцелении, а чудо безграничной любви, награда без просьбы и не по заслугам.

В отличие от канонических текстов, в стихотворении матери Марии предельно усилен богоборческий мотив, мотив богооставленности, духовного томления лирического субъекта, обнаженной тоски по Богу, вопля души, измученной тоской по России, что вносит в стихотворение трагическое начало, предчувствие трагического конца: *Я даже не смею Его призывать, / Но Сам Он призываети душу торопит.*

Прошедшая в молодости через культуру ренессанса начала века, через акмеизм и дружбу с Блоком, Е. Ю. Кузьмина-Караваева отражает в стихотворении трагическое мироощущение рубежа веков: земная жизнь «в язвах, в пьянстве, в нищете, в заботе», «только гной и струнья». Катастрофичность мира приобретает вселенский масштаб: «...тысячи людских тщедушных тел...», «...не запомнишь списка всех имен, / Всех, лишенных радости и рая». Богоборчество «мятежной монахини» достигает предела в вызове, в условии, которое ставит она перед Господом: «...или пошли мне ангельские рати, / Или двери сердца затворю»... Это протест, но протест «от любви и горя». Так рождается в стихотворении еще один мотив — мотив жертвенности: «Убери меня с Твоей земли...», но взамен не лишай всех «радости и рая». Такая любовь к ближнему — истинная любовь. Она «есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо... Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою» [Русская идея: 254], — писал великий русский философ И. А. Ильин в статье «О русской идее» в 1951 г.

В стихотворениях матери Марии 30-х гг. молитвенное высокое звучание часто окрашивает события личной жизни и глубоко интимно: *Принимаю Твоей же силой / И кричу через силу: «Осанна!» / Есть бесквестная в мире могила, / Над могилою надпись: Гаяна. / Под землей моя милая дочь / Над землей осиянная ночь / Тяжелы Твои светлые длани, / Твою правду с трудом принимаю. / Крылья дай отошедшей Гая-*

не, / Чтоб лететь ей к небесному раю. / Мне же дай мое сердце смирять, / Чтоб тебя и весь мир твой принять [Кузьмина-Караваева 2001: 148].

Образы могилы, земли, ночи, появляющиеся во второй строфе стихотворения, сопряжены с мотивами смерти, тоски и материнского страдания, вызванного смертью старшей дочери. Однако, несмотря на безмерную горе, героиня готова принять Бога, и этот порыв — явный, страстный: «Принимаю... / И кричу через силу: «Осанна!» Таким образом, монашество понимается как победа над смертью, возвращение детей к Небесному Отцу. Материнское сердце монахини готово принять на себя беды и страдания всех соотечественников: *Ты дал мне право, — говорю, как мать, / И на себя приемлю их соблазны* [Кузьмина-Караваева 2001: 125]; *И только одного мне жаль, — / Что сердце мира не вмещает* [Кузьмина-Караваева 2001: 179].

Ожидание суда Божьего воспринимается ею как «новый постриг»: *Еще до смерти будет суд, / Мой собственный и беспощадный, / Когда возьмут и унесут / Монашеский наряд нарядный. / С укором перечислят мне / Мои грехи святые сестры. / И суд велит гореть в огне* [Кузьмина-Караваева 2001: 220].

Таким образом, лирическая героиня стихотворений Е. Ю. Кузьминой-Караваевой 30-40-х гг. проходит трудный путь постижения Бога. От чистого богомыслия, сопровождавшегося поэтическим творчеством, пронизанным мечтой, воображением, предвосхищением встречи с Богом, героиня приходит к интеллектуальному богословию. Достигнув некоторого накопления религиозного познания через общение с такими религиозными философами и мыслителями, как о. Сергей Булгаков, Н. Бердяев, К. Мочульский, Е. Ю. Кузьмина-Караваева увлекается расщепленно-философским созерцанием. Дальнейший путь богоискания приводит ее к постригу, после которого творчество матери Марии по настоящему идет по духовному руслу. Лирическая героиня начинает чувствовать умиление, ликование и сладостное чувство любви к Богу.

Стихотворения Е. Ю. Кузьминой-Караваевой, написанные после принятия ею монашества в 30-е гг., при сохранении стилистической окраски псалмов и молитвы (высокий пафос достигается употреблением канонических оборотов-формул, восходящей градацией эпитетов, синтаксическим параллелизмом и анафорами, старославянизмами и библеизмами; инверсии, аллитерации и ассонансы придают текстам напевное, молитвенное звучание) являются самостоятельными произведениями. Мать Мария не подражает образцам, потому что ощущает канон «изнутри», как естественный способ самовыражения. Она продолжает древнюю традицию, насыщая жанр обостренной эмоциональностью человека, живущего в катастрофический XX в. Стихотворения этого

периода можно назвать подлинным восхождением к духовному подвигу человека, знающего, что истинная цель жизни — путь к Богу.

Традиция жанровой формы псалма, молитвы помогает лирической героине найти силы для перенесения жизненных невзгод, позволяет оценить конкретно-исторические обстоятельства с обобщенно-философских позиций.

ЛИТЕРАТУРА

Кузьмина-Караваева Е. Ю. Жатва духа. Религиозно-философские сочинения. — СПб., 2004.

Кузьмина-Караваева Е. Ю. Равнина русская. Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. Письма. — СПб., 2001.

Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей. — М., 2004.

Ложкова Т. А. Система жанров в лирике декабристов. — Екатеринбург, 2004.

Толкование Библии, или комментарий на все книги святого писания. — Стокгольм, 1987.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. В. Барковская